

**Светлана
ВЬЮГИНА**

г. Москва

ТРИ АНГЕЛА

рассказ

Жили-были три мальчика — Иван, Махир и Дима. Учились они в разных школах, в разных городах. А вот летом встречались в старинном городке Обоянь: там коротали свой век бабушка Вани и бабушки-дедушки Димы да Махира. Тёплые беззаботные дни ребята проводили в летних забавах: ловили пескарей, жгли костры, строили шалаша и запруды, плавали и загорали.

Тогда уж было не до книг, компьютеров и мобильных да поисков покемонов!

Реальная жизнь вдали от больших городов, у реки Псёл, захватывала, она была полна неожиданностей и приключений. Взрослые с интересом поглядывали на дружных мальчишек, но в их развлечения не вмешивались. Местные любители рыбалки, случалось, жаловались:

«Ваши сорванцы костёр не загасили, когда пескарей на огне пекли...»

«Своими сачками они вчера порвали наши лески...»

«Вся рыба в глубину от них сбегает...»

Бабушка Ивана, рассудительная Евдокия Ивановна, считала, что ангелы-хранители не дадут ребятам совсем уж пропасть, а рыбакам придётся потерпеть: мол, сами детьми не были, что ли...

Так бы всё и шло как шло. И уехали бы ребята загоревшие, отдохнувшие, немного ошалевшие от летней вольницы: Дима — в сибирский город Кемерово, Махир — на берега Каспия... Но как-то утром Ваня, самый старший из ребят, стал их подбивать на лихую забаву:

— А на тарзанке надо напослелок полетать!..

— Может, со взрослыми? — предложил серьёзный, рассудительный Махир.

— Уже темнеет, не сорвёмся ли? — буркнул Дима. И примирительно добавил: — Я-то плаваю хорошо. У меня разряд. А у вас?

Но Иван, чуть прищутив взгляд, уверенно повёл ватагу к реке.

Канат с узлом на конце был примотан к стволу огромной склонённой над водой ивой.

Первым ступил с обрыва старший Ваня. Тарзанка, сделав круг над рекой, вернула его на берег. Потом, резко оттолкнувшись от земли, полетел над рекой Махир. А потом и Дима, самый младший, но умеющий отлично плавать.

Никому из ребят не хотелось показать свой страх. Летать над рекой, вцепившись в старый канат, было страшновато, но захватывающе.

— Ещё разок прыгну, и пойдём! — Иван решительно шагнул к тарзанке.

Канат понёсся над рекой, и... тут случилось непредвиденное. Узел, за который ухватился Ваня, развязался и выскользнул из рук. Мальчишка спикировал в реку. На мгновение он с головой погрузился в воду, но тотчас вынырнул, правда, к берегу повернуть не смог: течение увлекло его дальше. Махир прыгнул за ним, и вот уже их двоих понёс Псёл.

Дима, прозванный местными ребятами Профессором, побежал по берегу вдогонку, на ходу скидывая кроссовки и шорты. И вот он тоже в воде. Мгновение — ребята уже втроём, сцепившись руками, плывут вместе с рекой в неизвестность.

— К берегу, к берегу! — кричал Ваня.

— Вместе... вместе... — приговаривал уставший Махир.

— Не робей! — почти заглёбывался Дима, но не выпускал руки друзей.

«Почему!.. Ну почему ребята не звали на помощь?» — спрашивали потом, сойдясь на улице кружком, их родные. Да и у меня, честно сказать, нет ответа.

Вы спросите, а что же сделали ангелы-хранители, чтобы спасти ребят?

А они посадили на берегу рыбаков, тех самых, чьи сачки мальчишки опрокидывали, играя в разбойников.

Мгновение — и шест зацепил за рубашку одного... другого...

Потом мальчишки лежали на тёплом берегу и не могли надыхаться. Как хорошо кругом, как тихо! Какие участливые и совсем не строгие глаза у дядечек-рыбаков.

— Дорогу домой найдёте, пацаны?

— Да-да!

Чуть передохнув, ребята поднялись и пошли вверх по обрыву, удивляясь, как далеко уплыли от дома.

Как же радостно было бежать по тёплой летней земле!

Дома их уже искали. Кстати, место спасения, как я заметила, безлюдное, да и рыба сроду там не ловилась. Вот и задумаешься поневоле...

Прошло много лет. И вновь пересеклись пути давних друзей...

На операционный стол к известным хирургам Дмитрию Николаевичу и Махиру Зиядовичу попал — примчала скорая помощь — Иван Алексеевич, военный человек.

Пот катился по лбу одного и другого врача, сбоку светился монитор чудо-прибора, бесшумно перемещались за спинами анестезиолог и операционные сёстры.

А рядом, справа, сияли несказанным светом лица трёх знакомых ангелов.

рассказ

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем... Его и зимой-то не особо много видели!. Вот в тот бесснежный март мы частенько и собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я — учились в одном классе, в пятом «а», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Сергей Иванович. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков. Вот благодаря физруку я и полюбила лыжи! Да и по физкультуре вытянула отметку на крепкую четвёрку. Но, когда снега нет, как кататься? Вот и просиживали часами у телевизоров. А когда приходили родители с работы и прогоняли нас, непутёвых чад, от теликов, то выходили во двор и рассаживались на лавочке.

У нас было в то время такое поветрие — все хотели научиться играть на гитаре. А на первом

этаже жил дядя Петя по прозвищу Горбун — после автомобильной аварии у него был самый настоящий горб. И если дядя Петя пребывал в хорошем настроении, то выходил с гитарой и устраивал для желающих мастер-класс. Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно бренчать на трёх аккордах. А нам с Любой родители даже купили гитары! Я потом свою гитару Евграфову подарила, когда расхотелось учиться.

Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выхолили на нашу «шумную» лавочку!..

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон и рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в нашем подъезде на первом этаже поселилась модная молодая женщина.

— Леонелла, — так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который не только был соседом, но и после аварии бессменным дежурным — консьержем то есть — в нашем подъезде.

Тогда эти дежурные только появлялись в округе.

Нам Леонелла понравилась: красивая, высокая; иногда, возвращаясь с работы, она даже подпевала дяде Пете.

Но, как говорится, «новое не всегда лучшее». Ссоры начались через несколько недель. У Леонеллы, оказывается, был свой «пунктик»: ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. А может, на залихватские песни.

Раньше с жильцами никаких ссор не возникало, ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. А бывало, после изучения новых аккордов и мы в этом помогали. Да и Мурат, сначала усмехаясь на причуду жильца, вскоре влился в дружную компанию — в свободную минуту присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далёкую возлюбленную Изабель. А тут вдруг новая соседка объявила непримиримую войну птицам, а значит, и дяде Пете.

Однажды мы увидели нашего Горбуна на стрёмке — он мыл окно стропливой соседки.

— Чего не сделаешь ради пернатых!.. — кратко, без эмоций прокомментировал дядя Петя,

ставший и взрослым, и детям самым настоящим другом.

Как позже выяснилось, Леонелла пожаловалась в домоуправление: мол, прикормленные дядей Петей птицы пачкают подоконник.

В другой раз, как самый настоящий пират, Леонелла оставила нашего соседа-гитариста без припасов. А дело было так. В то время из-за «внезапно» напавшей на страну «перестройки» в магазинах случались перебои с продуктами, например, вдруг на какое-то время пропали из продажи соль и мыло. Некоторые закупались впрок, создавая ненужный ажиотаж. А вот дядя Петя и в ус не дул! По магазинам не бегал, в очередях не стоял: сидел на лавочке и веселым солнцем наслаждался. Он много лет жил со старенькой мамой, пережившей военные тяготы, а потому и сделавшей внушительные запасы и соли, и мыла. Да много чего ещё. «Мало ли что», — рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина.

Так вот после смерти мамы дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было — то и раздавал. А соляных запасов так вообще много оставалось. Поэтому пока магазины разбирались со сложившимся немудрёным дефицитом, дядя Петя делился с каждым, кто попросит.

И бойкая Леонелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. И он, добрая душа, однажды пустил, как говорится, «козу» в свой «огород». В тот же вечер, сварив на ужин картошки, Петя обнаружил, что солонка-то совсем пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но дядя Петя не растерялся: картошку съел с солёным огурцом. С мылом вышла та же история.

Короче, после ужина, во дворе, дядя Петя попросил ребят купить ему при случае утащенные Леонеллой «дефициты».

Вот так бывает! Ушла соседка, прихватив всё, что могла, — припасливая, выходит, хозяйственная! «А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. А лоха, — как говорят сегодня про таких бесхитростных и простодушных, — грех «не обуть», — так Леонелла потом объяснила своё «пиратство».

Спустя несколько дней, опять вечером, дядя Петя, как всегда бодрый и остроумный, сидел на лавочке с гитарой. А мы около него толпились. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класс.

Леонелла на этот раз не выходила: может, капелька совести терзала её, а может, от жадности «в зубу дыханье спёрло».

Телефон прервал нашу дворовую репетицию. Услышав с улицы звонок, дядя Петя зашёл в свою квартиру и появился в открытом окне с трубкой. Звонил его товарищ Сергей. Мол, на машине, еду мимо, не прихватить ли чего для надвигающегося возможного дефицита? Дядя Петя, подмигнув нам, весело так попросил соли и мыла. Мы дружно замахали руками, подсказывали, чтобы просил деликатесов... ну шоколада, икры, сыра — всякого такого. Ведь знали, что товарищ тот трудолюбив (даром что высокий пост занимает!) и щедр. Его редкая по тем временам иномарка по праздникам частенько притормаживала у нашего подъезда с гостинцами... Но дядя Петя и слушать нас не стал:

— Соли и мыла. Больше ничего не надо.

Дядя Петя ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про «экспроприацию» его запасов, собрали с ними вместе «перестроечный» набор, в котором было много соли, мыла и всего другого разного — вот и собирались сегодня вечером вручить «дефицит». Хотели сделать сюрприз.

Через часик подъехала машина Сергея, из неё сначала достали огромную коробку, которую мы в восемь рук приняли и с трудом поставили на тротуар. Рядом с нами стоял теперь и сам двухметровый силач с сумкой на плече.

— Там разная соль — и морская, и с зеленью. И для засолки, и так просто... Ну и мыла запасец, — широко улыбнулся Сергей. — А это, — он небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, — для будущего праздника, когда всем миром соберёмся... — обратился к другу Пете: — Твои ученики — молодцы, подсказали. Я услышал их сердечный совет. У меня знаешь какая мощная интуиция...

На растерянные возражения друга Сергей только отмахнулся.

— Твоё любимое присловье какое? Да не оскудеет рука дающего!

Мы все притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то круговорот добра в природе. Мы подняли глаза на окна и увидели своих родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим.

Леонелла, выглянув в открытое окно, тоже тарасилась на встречу старых друзей. И нам почему-то даже показалось, что она всхлипнула. Но ребятам уже не было до неё дела.

А друзья, занося подарки в подъезд, тоже взглянули на её окно. Пётр раздумчиво произнёс:

— А глаза-то, оказывается, у Леонеллы зелёные-зелёные. Я только когда она заплакала, это и заметил.

□

Светлана Васильевна ВЬЮГИНА (Дудченко) —

детский писатель.

Автор книг «Конопастик», «Солнечные краски»,

«Облака-забияки», «Черёмуховое крылечко».

Печаталась в журналах «Балтика», «Десна», «Дон», «Север»,

«Весёлые картинки», «Мурзилка», «Подсолнушек»,

«Юный натуралист» и других.

Член Союза писателей России.

